

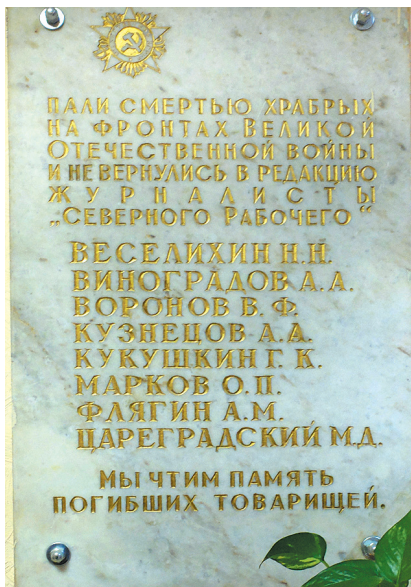
ЛИБО ЖИТЬ СВОБОДНО, ЛИБО УМЕРЕТЬ ГОРДО

Юлиан НАДЕЖДИН, Юрий ГАЛЫБИН

ИМЯ НА МЕМОРИАЛЬНОЙ ДОСКЕ

Оно, это имя – Алексей Флягин – у ярославских журналистов и сегодня каждый божий день перед глазами. Золочёной гравировкой на мраморной памятной доске в стенах редакции газеты «Ярославский регион» («Северный край») и областной организации Союза журналистов России на улице Максимова в Ярославле. Флягинская строка для его коллег нынешних поколений – одна из восьми зарубок в памяти о тех, кто в сорок первом или позже ушёл Родину защищать и не вернулся. Веселихин, Виноградов, Воронов, Кузнецов, Кукушкин, Марков, Флягин, Цареградский – вот эти имена на доске с георгиевской лентой в нижнем углу. Вместе с читателями журнала прочтём вслух эти имена и помолчим. Там, на небесах, они все на равных, независимо от возраста и профессиональных заслуг. Сегодня вспомним мы только об одном из них, почитаем письма журналиста и писателя Алексея Флягина с фронта, неопубликованные воспоминания о войне его супруги Марии Петровны¹, просмотрим сохранённые в семье писателя публикации первых дней войны газеты «Северный рабочий», с порога редакции которой Алексей Михайлович в свои тридцать с небольшим лет 7 июля 1941 года ушёл на фронт.

На войну Флягин был призван с горячей должности заведующего отделом писем. Судя по газете, свой профессиональный боевой манёвр его отдел на зубок знал, эмоционально, пламенно рассказывая о том, как жили люди в те первые дни и недели большой беды. В помощь этому был и восьмилетний газетный стаж зава, и его серьёзный жизненный опыт крестьянского сына, уроженца дани-

ловской глубинки. Алексей рано осиротел, сам зарабатывал на хлеб, чтобы кормить многодетную семью: был и подпаском, и продавцом в сельпо, и сезонным рабочим-ремонтником на железной дороге, и водоливом в депо. Эта жизненная закалка и сказалась тогда, в июне 1941 года, – поэтому прежде всего отделу писем читатели «Северного» и говорили спасибо за то, что со страниц газеты слышали глас народный, от этого ощущали себя частью великой, непобедимой страны.

Экстренный номер газеты, вышедший 23 июня, открывался записью текста выступления по радио наркома Молотова. «Война, – говорил народный комиссар иностранных дел, – навязана нам не германским народом, крестьянами и интеллигенцией, а кликом кровавых фашистских правителей Германии». Заканчивалась речь Молотова знаменитыми на-

батными словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!». В том же выпуске «Северного» читаем сообщение о митинге на Урочском вагоноремонтном заводе. Сбор был полный – восемьсот душ. «Мечты кровавого Гитлера никогда не осуществляться», – говорилось в резолюции митинга. Рабочие завода обязались «не покладая рук самоотверженно трудиться на своём посту», а если потребуется, по первому зову «встать на защиту Родины».

Через несколько дней – репортаж о том, как провожал на фронт своих лучших сынов резинокомбинат. «Бить врага беспощадно, до полной победы, – таков наказ уходящим. А далее зарисовка с натуры: на сборном пункте Краснопереконского райвоенкомата столпотворение. На приём к комиссару – очередь. Входят двое рослых парней. Их призывают через несколько дней,

Юрий ГАЛЫБИН
родился в 1967 году
в Ярославле. Окончил ЯГПИ
им. К.Д. Ушинского по
специальности «Учитель
истории и школьный психолог».
С 2006 года – член Союза
фотохудожников России.
Участник международных,
всероссийских выставок
фотографий. Постоянный
автор журнала «Углублённое Поле».

Памятная
доска погибших
сотрудников
редакции
«Северный
рабочий».

Алексей
Флягин.

Флягины
Алексей
Михайлович
и Мария Петровна.

Фотография
с однополчанами.
А. Флягин –
второй справа
во втором ряду.

а они хотят – вынь да положь – вступить в Красную Армию немедленно. «Нельзя ли нас призвать сегодня?», – обращаются к комиссару. «Сегодня нельзя, – объясняет он, бывалый военный, – сейчас требуется железная дисциплина, товарищи, придёте, когда срок подойдёт».

В одном из следующих номеров находим письмо в редакцию учителей Ярославля. Можно предположить с большой долей уверенности, что, будучи супругом учительницы начальных классов, завотделом Флягин подготовку к печати этого материала

вряд ли кому-то уступил. Вероятнее всего из-под его пера вышел и заголовок: «Не повернуть озверелым фашистам колесо истории вспять!». Далее следовала пламенная публицистика с такими словами: «Мы, учителя, кто ещё не находится в рядах РККА, заявляем: священный долг учителя перед Родиной – быть рядом с детьми, беречь их и воспитывать». По впечатлениям детей Алексея Михайловича – Инны, Аллы, Руслана – именно такими были убеждения и их матери – Марии Петровны. Вот её ощущение, понимание происходящего: «...Семья. Она у меня была большой. Трое своих и 42 ученика. Все они искали защиты у меня. Как хотелось сделать так, чтобы засияла улыбка на исхудалых лицах детей, чтобы в перемены, когда-то шумные, зазвенел детский смех. Но нет, перед моими глазами были почти взрослые люди. Война унесла у них радость, веселье, родительскую ласку, а взамен принесла неутешное горе. Я всеми силами старалась снять с маленьких душ это непосильное для них бремя». Этот фрагмент воспоминаний Марии Петровны относится к середине войны, а пока – 7 июля 1941 года:

«Мне очень трудно передать последние минуты нашего расставания, – пишет Мария Петровна о том дне, навсегда памятном, когда через две недели после начала войны муж уходил

на фронт. – Сердца обоих закаменели, слёз не было. Он крепко прижал меня к себе и целовал глаза, щёки, губы, повторяя одно и то же: что он уверен во мне, что я вынесу все трудности, сохраню семью. А я просила его об одном, чтобы писал и чтобы мстил врагу за горе наше. Я пошла, а он стоял, смотрел, как я уходила всё дальше и дальше. Мне хотелось вернуться, броситься к нему – любимому мужу, отцу, другу, идти с ним, не отставая ни на шаг! Но трое детей встали в моём воображении, такие беззащитные. Нет, надо скрепить сердце, много будет дела и здесь в тылу, которое облегчит их великое дело там на фронте. Я обернулась, ласково улыбнулась. С этой улыбкой я послала ему веру в себя и спокойствие, и мы расстались».

А вот одно из первых писем Алексея Флягина с фронта. «...Стыдно мне, что пишу очень редко, мало... К залпам орудий, стрекоту пулемётов, взрыву бомб и рёву моторов самолётов привыкли настолько, что много раз, если выпадает затишье на полдня, на день, удивляемся и даже чувствуем себя как-то неловко. О том, что каждую минуту нам угрожает опасность не думаем, забыли об этом, ибо мысли наши: «Вперёд, уничтожить гадов!», – спешит сообщить домой политрук 243-й Ярославской дивизии. В письмо была вложена фотография. Алексей советует её повнимательнее разгля-

деть, подсказывает: «Все мы бодрь, здоровы, спокойны». Просит особо учесть то обстоятельство, что во время съёмки над ними разыгрался бой между мессершмитами-«стервятниками» и нашими «ястребками». И те, и другие почём зря поливали друг друга из пулемётов. «Труссы-стервятники не выдержали – удрали!», – ставит политрук Флягин в письме победный

восклицательный знак.

И ещё одна страница воспоминаний Марии Петровны – картинка с натуры из тыловой жизни Ярославля. В их школе часть классов заняли под госпиталь для эвакуированных из Ленинграда. Как-то утром Мария шла на дежурство. Во дворе школы из сарая выносили тела умерших. Погрузили полную машину, покрыли брезентом и

Жизнь наша в Ярославле стала спокойнее.
 Много дело с продуктами. На базаре нет
 ничего. Это затруднительное положение. Особенно
 трудно мне с моими документами и снимком.
 Спасибо редакции они все же нас не забывали.
 Получили бесплатно ватники 24 размера. Взвесили
 их мне, но они горят и мне, а то у меня
 ведь появились здорово мои ватники.
 Мы говорим, что ты можешь писать
 письмом и по почте. Я тебе посылаю и по
 почте, но как видно ты на не получаешь.
 Писать будем тебе родной, но не обязательно
 если тебе буду приходится редко, это
 уже будешь и наша вещь.
 А как ты пишешь и пишешь, надеюсь
 когда ты будешь писать письмо своему папе
 не приходится писать. До скорого свидания
 мой любимый. Можем быть скоро увидим
 с. Будем надеяться лопышка моя.
 Целую тебя, обнимаю крепко, крепко.
 Твой Алексей.

Первые минуты
 1944 года. Наши
 редакционная го-
 кампания подняла
 бокалы. М.И. Калинин
 только что сказал:
 «С Новым годом,
 товарищи!».

Алексей Флягин
 в минуты отдыха
 с товарищами.

Письмо
 Марии Петровны
 на фронт мужу.

увезли. «Я присла к месту, ноги мои
 не двигались. Слёз не было, спазмы
 сдавили горло. Придёт ли час воз-
 мездия за невинные жертвы? Жуткая
 боль сковала меня всю. Но эта боль
 рождает мужество, даёт крепость вы-
 стоять назло врагу. Написала письмо
 Лёшеньке, рассказала о том, что ви-
 дела. Просила отомстить за все муки,
 которые выносит наш народ».

Алексей отвечает, понимая, что
 любое письмо может оказаться послед-
 ним. Словно торопится сказать что-то
 самое главное — чаще разговаривает

один на один, с женой, дочерями Ин-
 ной и Аллой, сыном Русланом. Реже
 обращается сразу ко всей семье. Вот
 одно из таких писем-исповедей. Дата —
 7 мая, год 1943-й. Приведём часть его:
 «...Я пишу это письмо в тот момент,
 когда работа у нас уже вся закончена,
 мои славные ребята умылись, закури-
 ли и вышли на улицу с улыбающимися
 рожицами. Я думаю о вас... Война из-
 менила жизнь нашей страны, наложи-
 ла свой суровый отпечаток на людей,
 на их поведение, на их отношения, на
 семью, на любовь. Кто любил, тот стал

Письмо жены
с каракулями сына
Руслана.
Фото, возможно,
из письма
от 21 апреля
1943 года.

и теперь...
Ты мой папуля не поймешь
что я здесь написала. Так сильно
перевожу.
С новым годом, с новым счастьем
мой Папуля. У меня отсюда
хорошая елочка, которую мне
привезла из лесу моя Машенька.
Вчера в дни на елке в Угровском
дворике. Скоро подгуляю на елке.
Скорее приезди за тобой и
уведи, а то мне нечем, а ты все не
идешь. Но мне придется. Светит
на и мы встретимся новым год.
Ты же на елке дождешься гостини
цев. Ты ведь скоро приедешь ко мне
мой папочка. Я тебя очень жду
и очень вспоминаю.
Целую тебя крепко. Твой
сын Руслан

любить ещё крепче, теплее; чья семья была дружной, стала ещё дружнее. Так думаю я, так есть и на самом деле. Я любил свою семью, тебя (*обращение к жене. — Ю.Н.*), и эта любовь здесь, на фронте, выросла у меня во что-то очень сильное, огромное. К прежней любви прибавилось ещё что-то глубокое, нерушимое, заветное, такое, что надо беречь как самое драгоценное, к чему не должна прикоснуться даже пылинка. Я несу в себе эту горячую любовь к вам как символ своей жизни, ибо моя семья — это моя страна, моя Родина».

В одном из следующих писем Алексей, ставший к тому времени редактором дивизионной газеты «В бой за Родину», сообщает, что поймал на своём приёмнике ярославскую волну и теперь почти каждый вечер слушает новости из родного города. Ну а коллеги с Волги не забывали держать его в курсе новостей редакции, где прекрасный пол заменил мужчин на всех должностях, кроме редакторской, — в сорок третьем году свой рабочий стол снова занял многоопытный довоенный редактор «Северного» Иван Лопатин. Людей не хватало, трудились на износ: допозд-

на выпускали номер, а потом шли на ночное дежурство в госпитали. По выходным — субботники, разгрузка барж с газетной бумагой, заготовка дров, расчистка снега на Советской площади, где в самом центре города помещалась тогда редакция. На огонёк заглядывали туда, иногда бывая в Ярославле, поскрипывали ремнями портупей, нарушали покой северянок улыбками и офицерской выправкой фронтовые корреспонденты — уже на всю страну известные земляки-поэты Алексей Сурков и Марк Лисянский. Несколько раз удавалось вырваться домой и Флягину. Привозил для своей первой книги новые рассказы. Всегда настоятельно просил Марию (а в письмах — «славную Мусю», «машулю», «милую подружку») — свою читательницу и критика «номер один» — тщательно проследить, как пойдёт дело. А в «дивизионке» лёгкому на подъём, зоркому, профессионально владеющему словом Флягину переучиваться не потребовалось. Писал заметки и репортажи с передовой, статьи на открытие очередных номеров, а в короткие минуты передышек от газеты писал своё, увиденное и пережитое. Два фронтовых рассказа

вошли в его первый и единственный выпущенный при жизни сборник прозы (Ярославль, 1943). Назывался сборник заветным словом, что так часто встречалось в его письмах, — «Семья».

В сентябре сорок четвёртого в маленьком румынском городке под названием Рымникул-Сэрет редакция дивизионной газеты «В бой за Родину» попала под внезапный ночной авианалёт. Как всё происходило дальше, теперь уже, вероятно, не узнает никто и никогда. Очевидцев не оказалось, немногие подробности известны со слов врачей и медсестёр, офицеров политотдела. С вечера майор Флягин дежурил по номеру, ожидая свежих сводок Совинформбюро. Когда накрыло, рабочее место он не покинул, спасал оборудование и бумаги редакции. В машине, на которой Алексей Михайлович вывозил имущество, скорее всего, загорелся бензин. В госпиталь привезли его с такими ожогами, о каких медики говорят — несовместимы с жизнью. «Умирая, далеко от своей Родины, он как герой терпеливо сносил свои муки», — писала жене сестра госпиталя, которая была рядом с ним до его

последнего вздоха. Вздоха, который чуть не оборвал и другую, такую любимую жизнь, уже в Ярославле. Только в середине 60-х, когда по всей стране снова начали отмечать 9 мая, праздник «со слёзами на глазах», Мария Петровна написала, в качестве наказа детям, свои воспоминания, нашла слова о тех безумно трудных для себя днях октября 1944 года:

«Жизнь остановилась во мне. Всё замерло, застыло. Я смутно видела сквозь мрак, видела детей, стоящих у моей кровати, мне хотелось кричать, но не было голоса, плакать, но не было слёз. Я чувствовала, что сейчас всё кончится. «А дети?», — кто-то прошептал над моим ухом. Дети, наши дети, можно ли оставить их. Ведь в них — любовь наша, чистая и нежная, как утренняя роса, разве можно их оставить. Но где взять силы, чтобы вынести это горе. Где? Хотелось спросить людей, которые пришли разделить со мной горе, но не шевелились губы, не было голоса. Так прошло несколько часов. Потом я встала. Я поняла, что нашла в себе силы выстоять, вынести все невзгоды, всё, что сулит одиночество вдовьей жизни. Чем сильнее сгибало меня горе, тем больше я находила в себе сил выстоять и выполнить клятву, данную любимому, — сохранить семью. Вот теперь пришла пора страшнее страшного. Ходить по земле живым мертвецом. Так я и ходила, удивля-

ясь только одному: почему же светит солнце так же, как и раньше, при Лёшеньке, почему же ходят люди, гудят гудки, шумят машины. Жизнь идёт своим чередом, а во мне — мрак без просвета...».

Могила Алексея Флягина — на кладбище в Рымникул-Сэрет. В извещении о его смерти есть важная пометка: «похоронен с воинскими почестями», что, как и в годы военного лихолетья, на языке мирного времени означает только то, что А. Флягин свой личный долг выполнил до конца, погибнув, как совершенно справедливо указано в похоронке, «...в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество...».

После войны в Ярославле и в Москве одна за другой вышли несколько книг прозы Алексея Михайловича. Подросли дети. Отцовский наследственный ген, знаем точно, был и у его сына Руслана, книгогоя и библиофила, воспитанника факультета искусствоведения Академии художеств в Ленинграде. До конца жизни писал Флягин-младший об искусстве, печатался в «Северном», который он так и называл — «отцовская газета». Ветераны шинного помнят его по работе в газете «Заводская жизнь». Многие годы тянул Руслан этот воз, был его испытанным коренником. Дочь Алла тоже начинала с много-

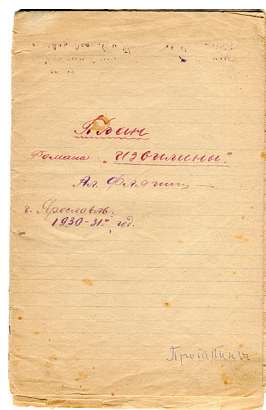
тиражки, позже закончила отделение телевидения и радио журфака Московского университета. Их старшая сестра Инна — в отца природолюб и лирик. По профессии она лесовод, лучшие годы жизни отдала знаменитому дальневосточному Сихотэ-Алинскому заповеднику. Что-то из материалов об отце Флягины передали в Музей боевой славы, письма хранятся в фондах Государственного архива Ярославской области. А, например, выпуск изданного в Ярославле в 1975 году сборника стихов и прозы о войне литераторов средней полосы России «Волжский прибор» Алла Алексеевна хранит дома. Выдержанная в сурово-торжественном тоне народного сказа притча Алексея Флягина «На привале» напечатана в сборнике с предисловием младшей дочери автора. Она приводит там одно из фронтовых писем отца с размышлениями о счастье: «Только здесь на фронте знаешь ему настоящую цену» — дескать, выбираем «либо жить свободно, либо умереть гордо. Об этом я ещё напишу».

Не написал, не успел. Война не оставила ему иного шанса, кроме жестокого испытания огнём. Тот крестный путь прошёл Флягин — да, до самого конца. Дорогой ценой подтвердил правоту своих слов о счастье — ценой собственной жизни.

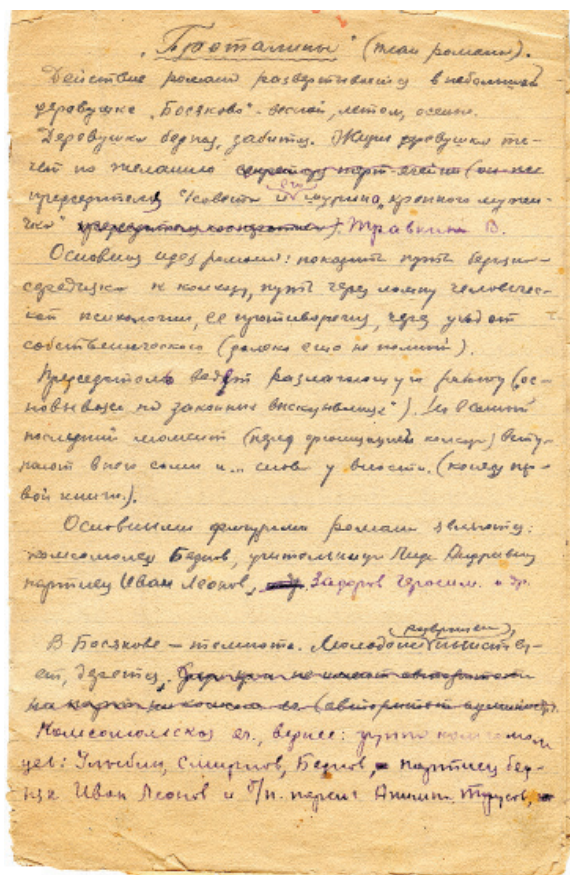
30 ДЕКАБРЯ 1942 ГОДА

«Любимая, родная. Наверное, сегодня или завтра вы получите мой новогоднее поздравления — мои письма. Я вам долго не писал и этим доставил вам беспокойство. Не писал потому, что условия не позволяли. У вас сейчас горячая пора — готовите ели. Сколько трудов вы потратите, прежде чем найдёте её... Особенно тебе достанется, родная! Завтра в новогоднюю ночь вы соберётесь всей семьёй вокруг красавицы новогодней. Как хотелось бы в этот миг быть с вами, моими любимыми. Но я от вас далеко. А в ночь на новый год не буду сидеть в землянке, как сижу сейчас, а буду шагать или ехать на новое место. Вспомните же обо мне в этот час. Какая радостная пора наступила, моя люба! Красная Армия снова громит фашистскую сволочь и, истребляя её, идёт вперёд, освобождая родную землю. Это первые удары Красной Армии, за ними последуют новые, ещё более крепкие. Чёрной бандитской кровью расплатятся фашистские псы за страдания нашего народа!

Любимая, славная. Как тепло на сердце от того, что у меня есть ты, есть дочурки и сынок, есть вы, которые меня любят и которых люблю я. Вот только находясь вдалеке от вас, ощущаю полностью всю глубину своего

Черновики
неизданных
произведений
А. Флягина.

счастья – счастья семейного человека. Когда я был вместе с вами – это чувство было не такое, вернее, всё казалось таким обычным. Не полностью оценивалась глубокая, крепкая наша семейная дружба. Это, очевидно, от того, что я впервые на такой продолжительный срок оторвался от вас и за это время много передумал такого, что не приходило в голову, когда был с вами. Как живёте вы, мои родные, как чувствуешь себя ты, товарищ, друг мой? Милая, береги себя. Помни, что скоро весна, которую тебе надо победить. Я верю, что это последняя весна, которую ты будешь побеждать одна, без меня. Пройдёт она, а там я возвращусь к тебе и тогда мы вместе возвратим тебе силы, да и я немножко подремонтирую себя, а то начал иногда прихварывать. Живём мы по-прежнему. Прошли бои, сейчас готовимся к новым. Так и идёт жизнь. Все здоровы.

Родная, любимая моя! Если бы ты знала, как хочется писать сейчас! Если бы у меня были условия – через месяц-два был бы готов новый сборник рассказов. Этот сборник был бы исключительно посвящён героической борьбе против фашистских бандитов, то есть все рассказы – на материале Великой Отечественной войны...».

21 МАРТА 1943 ГОДА

«...Где вы, мои любимые, мои славные? Нет дня, да и, пожалуй, минуты, когда сердце моё было вдали от вас. Иногда, когда никто не видит, я вынимаю из записной книжки ваши карточки и люблюсь вами. Я люблю это делать один, люблю потому, что в это время никто не мешает мне улыбаться вам по-настоящему, поцеловать вас. Как далеко вы от меня, мои милые!

Новые места, новые люди! Люди меня интересовали везде и всегда, но места уже наскучили. В начале мне казалось необычным, интересным, а теперь сердце скучает по своей средней русской природе: по берёзам, рощам, мохнатым елям, по тихим журчащим речушкам, по деревням, так не похожим на здешние. В наших краях взор твой обнимает одновременно и лес, и поля, и низину, и речушки, и сёла – всё, а здесь? Равнины, холмы, снова равнина, снова холмы.

И всё же это родное, наше, советское. Каждый клочок этой земли отнят у врага, полит кровью людей, которые отдали жизнь свою за счастье нашего поколения.

Счастье... Только здесь, на фронте, знаешь настоящую цену ему. Знаешь, в чём оно, это счастье. Могут быть только два счастья: либо жить свободно, либо умереть гордо. Об этом я ещё напишу. Как часто я страдаю от того, что у меня не хватает слов выразить то, что я чувствую. Чувство давит меня,

хочется вылить его на бумагу таким горячим, правильным. Вылить так, чтобы оно зажигало, вело людей, а возьмусь за перо – на бумагу ложатся бледные, бесцветные слова, которые кажутся мне скучными, стандартными. Вот уже больше месяца я сижу над небольшим рассказом о гордой смерти, о величии советского человека и недоволен тем, что у меня получается. Всеми чувствами я ощущаю это величие, всем разумом своим я понимаю юношу, который, умирая, победил смерть, а на бумаге остаются бледные строчки. Может быть, это от того, что я пишу урывками, в короткие промежутки между делом...».

21 АПРЕЛЯ 1943 ГОДА

«Получил письмо от сынули и Аллы. Получил два дня тому назад, а пишу лишь сейчас. Ты извини меня, родная, что задержался с ответом. Случилось так, что в течение этих двух дней я имел возможность спать только три часа – остальное время было занято...

Посмертные издания
произведений
А. Флягина.

Как приятно письмо сынули. Чувствуется по письму, что здесь и есть то, что думает он, и то, что думает мама. Я представляю, как писалось это письмо! Вот наша комната. Стол, у стола на стуле мама, а у мамы на коленях мой сынок-шалунок. Сидит, ухмыляется и плутовато поглядывает на маму, моргает своими глазёнками и то оближет губы, а заодно и под носиком язычком, то рукавом рубашечки опять вытрет под носиком. Вот сидят они, мои родные, и пишут. Сынок карандаш держит, а мама держит его руку и водит ею. Мама спрашивает: «Ну, что же ты будешь писать своему папе?», – а сынок взглянет на маму, блеснёт глазёнками, улыбнётся и... вот и написали.

Милая, каждое слово, каждая строчка, написанные на этой бумаге, на бумаге, которую держали твои руки, руки сынули, слова, написанные тобой, — всё это ваше родное, близкое, любимое, дорогое. Нет, мамуля, не передать на бумаге, не выразить то, что я чувствую к вам, мои... Вот опять напрашивается слово «мои родные, любимые!». Но ведь эти слова говорят, наверное, и другие люди. А мне хочется сказать так, чтобы прочитала ты и так хорошо, легко стало у тебя на душе, на сердце, вздохнёшь ты полной грудью...

...но надо же и сынулке ответить на его письмо. Прочитай ему эти строчки:

Сынок мой, Русланушка! Получил я твоё письмо и даю тебе ответ на него. Хорошо, милый сынуля, что ты послушался совета своего папы и сейчас помогаешь во всём своей маме. Я тебе ещё один дам совет, который ты должен выполнять в течение всей своей жизни. Запомни, сынок, хорошенько запомни, отложи мои слова на самое сердце: ты растёшь, вырастешь большой, будешь жить счастливо. А мамуля твоя, которая любит тебя, как твой папа, хочет отдохнуть, потому что она уже взрослая и много испытала в своей жизни.

Ты, сыночек, сейчас, помогая маме, учишься помогать ей так, чтобы когда ты вырастешь большой, мамуля твоя была спокойна, счастлива, здорова. Запомни, сынок: всю свою жизнь ты помни о маме как о самом дорогом для тебя человеке, как о человеке, для которого ты должен сделать всё, чтобы она никогда и ни в чём не нуждалась.

Сынок! У меня тоже была мама. Её не стало у меня, когда мне было 12 лет. Если бы я мог спасти её тогда, я не за-

думываясь отдал бы свою жизнь для этого. Так я любил свою маму. Люби свою маму также.

Ты понял меня, сынок? А подарок, сынуля, я тебе пришлю. Пришлю, мой мальчик, Русланенька! Играй им и не забывай о папе. Помни, что твой папа на фронте. Идёт война с фашистами, война за твоё счастье, за счастье Инуси, Аллы. Впереди у вас хорошая жизнь, сынуля. Лучше, чем была до этой ужасной войны...».

2 ИЮНЯ 1943 ГОДА

«Сегодня у меня необыкновенный день: я получил от вас письма. Да не одно, и не два, и не три, а восемь! Такого дня у меня ещё не было. А я уже было снова начал расстраиваться от того, что длительное время не получал писем. Милая, любимая! Ласточка моя! Если бы ты только знала, что происходит сейчас в моей душе! Ах, как хотелось бы, чтобы у меня были сейчас крылья огромные, сильные. Такие крылья, что подняли бы меня и в один миг, унесли к тебе хотя бы и на одну минуту, пока все спят, пока закончена работа. Как бы я ласкал тебя, моя любя! Я бы посадил тебя к себе на колени, прижал бы твою головку к своей груди и качал бы тихо и нежно, как мать качает любимое дитя, я бы целовал твои глаза — любимые, славные, я бы целовал твои руки тонкие и нежные, руки, которые так сильно обнимали меня, я бы целовал твои истосковавшиеся губы. Я бы поднял тебя на свои руки, и ты бы положила свою голову на моё плечо и заснула бы счастливая, радостная, спокойная, зная, что кончились твои страдания.

Как это прекрасно, родная. Как прекрасно любить и чувствовать силу

свою в этой любви, свою гордость, своё превосходство, как прекрасно чувствовать себя человеком! Впереди ещё много испытаний, но мы победим их. Я часто думаю о той минуте, когда мы снова будем вместе, когда мы снова побежим в кино, в театр, побежим, чтобы не опоздать, когда по утрам сын будет залезать к нам на кровать и смеяться своим задорным счастливым смехом, когда в минуты отдыха к нам на диван сядут и сын, и дочурки, и прижмутся тесно, и будут молча улыбаться довольные, что сидят с папой и мамой. Как они любят нас, родная!».

ОСЕНЬ 1943 ГОДА

«...Милая подруга моя! Дочурки мои милые! Сынок мой маленький! Что вы переносите. Какие страх и горе терзают ваши маленькие души. Будь проклят день и мать, родившая Гитлера. Будь проклята чёрная свора гитлеровских бандитов, посеявших в нашей цветущей стране пожарища, слёзы обездоленных, слёзы матерей, детей, реки чистой невинной крови... Милая! Подбодрись, родная. Ты устала. Прибодрись ещё, встряхни свои силёнки. Может и нет их, а ты встань их и они придут, прибавятся! Они должны прибавиться! Ведь враг ещё на нашей земле..., ещё пылают хаты когда-то счастливых людей, а по дорогам бродят оборванные, опухшие от слёз и города дети, потерявшие своих родителей. Там, на деревьях, качаются трупы повешенных советских людей, которые предпочли смерть, чем рабство, там пытаются пленных красноармейцев, как не пытали даже во времена инквизиции.

Труп одного пленного бойца прибило к нашему берегу. Мы вытащили труп, стояли над телом погибшего товарища с непокрытыми головами и молчали. Это молчание было страшнее всяких слов: не уйти врагу от народной ярости! Вода не смыла следов пыток с погибшего красноармейца: руки его были вывернуты и связаны за спиной, на шее была петля с оборванным концом, грудь героя была исколота штыком. Значит, верным сыном Родины был этот боец, если вызвал у немцев такую ярость.

Прибодрись, любимая! Ведь впереди, после того как мы уничтожим очумелого врага, снова мы будем вместе, снова будет свободная, радостная жизнь, в тысячу раз радостнее. Радостная потому, что мы в этой жизни будем чувствовать себя честными людьми, до конца выполнившими свой долг».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Подбор материалов в личном архиве А.М. Флягина (№ Р-2544) в ГАЯО, семейном архиве писателя Юрия Галыбина.